

*А. О. Норенков**

ПОНЯТИЯ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РАБОТАХ Ж. БОДРИЙЯРА

Статья посвящена проблеме трактовки категорий пространства и времени в работах Жана Бодрийяра и ее места в современном философском контексте. Актуальность работы обусловлена нынешними спорами об онтологическом статусе виртуальной реальности. Исследование направлено на выявление онтологических свойств пространственно-временных отношений исходя из гипотезы системообразующего характера этих категорий в его философии. В статье проводится критический анализ сопутствующей терминологии и аргументации этого французского автора, посредством которых он эксплицировал эти понятия в научном и социокультурном измерениях. Центральное место в интерпретации занимает разбор концепта «имплозия» (взрыв, направленный внутрь), с помощью которого Ж. Бодрийяр описывает социальный и антропологический хронотопы, что можно истолковать с точки зрения событийной онтологии. В статье по ходу дела также проводится сравнительный анализ современных и традиционных трактовок пространства и времени, начиная с метафизики XVII в.

Ключевые слова: Ж. Бодрийяр, пространство, время, симуляция, СМИ, апотропия, виртуальная реальность, гиперреальность, имплозия.

A. O. Norenkov

CATEGORIES OF TIME AND SPACE IN J. BAUDRILLARD'S WORKS

The article is devoted to the problem of interpreting the categories of space and time in the works of Jean Baudrillard and its place in the modern philosophical context. The relevance of the work is due to the current debate about the ontological status of virtual reality. The study is aimed at identifying the ontological properties of spatio-temporal relationships, based on the hypothesis of the system-forming nature of these categories in his philosophy. The article provides a critical analysis of the accompanying terminology and argumentation of this French author, through which he explicated these concepts in the scientific and sociocultural

* Норенков Александр Олегович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра онтологии и теории познания; alexnorenkov1992@gmail.com

dimensions. The central place in the interpretation is occupied by the analysis of the concept of “implosion” (an explosion directed inward), with the help of which J. Baudrillard describes social and anthropological chronotopes, which can be interpreted from the point of view of event ontology. The article also conducts a comparative analysis of modern and traditional interpretations of space and time, starting with the metaphysics of the 17th century.

Keywords: J. Baudrillard, space, time, simulation, media, apotropy, virtual reality, hyperreality, implosion.

Пространство и время — ключевые понятия в онтологии. Необозримое количество исследований философов и представителей различных наук направлено на выявление онтологических характеристик этих категорий. С одной стороны, имеются многообразные интерпретации, в которых каждый мыслитель трактует их исходя из своей методологической и мировоззренческой парадигмы. С другой стороны, в истории всегда обнаруживались попытки создать единую концепцию пространства и времени, характеризующуюся всеобщими и необходимыми критериями, однако таковая до сих пор не создана. Не прояснен также вопрос, что такое пространство и время — понятия, категории, концепты, экзистенциалы, феномены, метафоры? В данной статье предпринимается попытка проанализировать понимание пространства и времени с точки зрения Жана Бодрийяра, одного из оригинальных мыслителей XX в., в работах которого эти категории приобрели особое звучание.

Цель статьи — определить онтологический статус пространства и времени в философских трудах Жан Бодрийяра. Известно, что этот автор считается в определенных кругах лишь социологом; также он игнорируется англосаксонской школой, не считающей его философом. Тем не менее, несмотря на бодрийяровские т. н. «не-» или «бес-системность», сам он, на наш взгляд, является автором достаточно целостной и оригинальной концепции пространства и времени, из которой можно извлечь нетривиальные следствия и открыть эвристическую перспективу. Несмотря на то, что о Ж. Бодрийяре есть множество исследований и комментариев, роль этих категорий в его сочинениях внимательно не изучалась. В статье эта задача будет решена с помощью анализа его текстов разных лет, сгруппированных в тематические блоки. Один из выдвинутых нами поисковых вопросов: есть ли возможность связывания разных подходов или все-таки единая система знания о пространстве и времени невозможна?

Начнем с того, что Ж. Бодрийяр был одним из «первопроходцев» в осмыслении роли и функций медийных средств, наряду с М. Маклюэном. Для него как одного из первых теоретиков медиа и СМИ эта тема была центральной на протяжении всего творческого пути. Следовательно, первый выделенный нами блок, в рамках которого будут «открываться» концепты времени и пространства, — феномен медиареальности, которая имплицитно их содержит.

І. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ МЕДИА И СМИ

Ж. Бодрийяр начинал как неомарксист. Его ранние работы были посвящены также Ницше, Лютеру, Гёльдерлину и др. С середины 70-х гг. в центре его внимания — средства массовой информации и коммуникации. Если подход М. Маклюэна можно назвать историко-эволюционным, то у Ж. Бодрийяра есть уже готовая собственная концепция симулякров, на фундаменте которой он и строит свою теорию медиа, вернее, ее критику.

Мы считаем, что Ж. Бодрийяр по сравнению с другими теоретиками более «приземлен», склонен откликаться на злободневные вопросы, соотнося свои тексты с т. н. реальным положением дел. В работе «Конец паноптизма» из цикла статей «Симулякров и симуляции» философ пишет:

О чем еще мечтают СМИ, как не о том, чтобы вызвать событие одним лишь своим присутствием? Все порицают это, однако втайне заворожены подобной возможностью. Такова логика симулякров, это уже не божественное предопределение, это прецессия моделей, однако она столь же неумолима. И именно поэтому события уже не имеют собственного смысла: не потому, что они незначительные сами по себе, а потому, что им предшествовала модель, с которой их ход лишь совпадает [5, с. 105–106].

Процитированный пассаж относится к описанию т. н. реалити-шоу, эксперимента 1971 г., проведенного над некоей семьей Лауд, когда зрителю на протяжении семи месяцев предлагалось наблюдать в режиме реального времени за жизнью отдельно взятой семьи в замкнутом пространстве — без сценария, без постановок, «триста часов прямого вещания». Получился своеобразный хронотоп реалити-шоу. В этом же дискурсе Ж. Бодрийяр «общается» с ситуационистами (ситуационизм — направление в западном марксизме, развивавшее идеи маоизма; основной труд — «Общество спектакля» Ги Дебора), говоря, что

мы больше не находимся ни в обществе спектакля, о котором они говорили, ни в разновидности специфического отчуждения и специфического подавления, которые оно предполагало. Сам медиум больше не воспринимается как таковой. И смешение медиума с месседжем (Маклюэн) является первой важной формулой новой эпохи [5, с. 61–62].

Пространство тут — медиапространство, а время — медийное, как и реальность — медиареальность, в которой мы живем, как семья Лауд — в прямом эфире, даже не подозревая об этом. В качестве основных характеристиками пространства и времени здесь можно выделить: 1. «Заклученность», или, если выразиться в экзистенциальном ключе, «вброшенность» в «прямой эфир» (в бодрийяровские времена — в телевизионный; сегодня же мы бы говорили об онлайн-стриминге). 2. Ложность самого пространства; его иллюзорность («Но на самом деле ничего нет» [6, с. 32]). 3. Сращение объекта медиареальности и субъекта. 4. Бесконечная «информативность». 5. Системность сетей. 6. Обратная связь, т. н. feedback, подключенность (см. об этом в статье «Общественное»: «Фаустовскую, Прометееву эру производства и потребления сменила Проте-

ева эра сетей, нарциссическая и протеиформная эра подключения, контакта, смежности, обратной связи, всеобщего взаимодействия [interface]» [7, с. 90]).

В качестве критики современного положения в контексте медиа и СМИ Ж. Бодрийяр выдвигает тезис:

Не поддаваться правдоподобию любой информации, любого образа, какими бы они ни были. Не пытаться восстановить истину — у нас нет для этого никаких средств, но не давать себя обмануть... Быть метеочувствительным к глупости и вранью, как к плохой погоде [1, с. 68].

Ж. Бодрийяр полагает, что «медиа способны только на одностороннюю *передачу смыслов с применением манипулятивных техник* (курсив наш. — А. О.) без какой бы то ни было возможности играть, критиковать и спорить» [8, с. 49]. В этом заключаются пространственно-временные ограничения медиареальности.

Преимущество и большая заслуга Ж. Бодрийяра в том, что он не просто резко критикует медиасредства, но и делает это, непосредственно реагируя на злободневные события. В определенном смысле можно говорить об оптимизме М. Маклюэна, подход которого можно назвать историко-эволюционным, и пессимизме Ж. Бодрийяра. Однако не стоит сводить эту разницу только к различию подходов между теоретиком (историком) медиа англо-саксонского направления и философом континентальной мысли; различия здесь лежат глубже, а именно в онтологической проекции. У французского мыслителя связь категорий пространства и времени дана в привязке с виртуальной реальностью, к проблеме которой мы переходим ниже.

II. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ВИРТУАЛЬНУЮ ЭПОХУ

Ж. Бодрийяр, несомненно, одним из первых увидел надвигающейся прогресс виртуальной реальности, если эти два понятия вообще совместимы, учитывая тот факт, что в самой терминологии Бодрийяра есть три концепта для описания данного феномена. Кратко отметим, основываясь на комментариях переводчика (А. Качалова) в недавно переведенной на русский язык работе «Совершенное преступление. Заговор искусства»:

Стоит заметить, что для обозначения реальности Бодрийяр использует три разных слова. Словом “réalité” (собственно «реальность»), он обозначает реальность как представление о ней, т. н. «объективную реальность», и обычно это слово имеет отрицательную коннотацию. Слово “réel” («реальное») в более ранних работах он использовал в основном с положительной коннотацией, как противопоставление «реальности», в поздних работах это слово имеет преимущественно уже нейтральную, а иногда и отрицательную коннотацию. А словом “vérité” он обозначает «реальное положение дел», «реальность как она есть», «действительность», «достоверность», «подлинность», «истинную, настоящую реальность» и это слово имеет в основном положительную коннотацию. Чтобы подчеркнуть различие, “vérité” мы будем обозначать как «действительность» [6, с. 331].

Для самой реальности у Ж. Бодрийяра, соответствующим образом, имеется три дефиниции (в статье Т. Закировой и В. Кашина подтверждается эта дифференциация: «Говоря о виртуальной реальности, мы приняли ее, по определению, как часть реальности. Слово “виртуальный” является прилагательным к существительному “реальность”, следовательно, от изменения смысла прилагательного будет меняться и “симптоматика” реальности. Таким образом, в двойце “виртуальная реальность” термин “виртуальный” будет термином программирования, термином, определяющим наше понимание реальности» [9, с. 29]). Реальность, как известно, происходит от латинского *res* — вещь. В классической метафизике и науке XVII в. И. Ньютон считал, что пространство и время являются субстанциальными. Он рассматривал пространство и время как пустоеместилище всех вещей, самостоятельно существующее. В отличие от ньютоновской субстанциалистской трактовки пространства и времени, Г. Лейбниц предложил их реляционную концепцию, согласно которой они отражают отношения, существующие между реальными вещами.

Согласно Ж. Бодрийяру, в реальности (как в смысле отдельных вещей, так и в отношениях между ними) происходит т. н. имплозия (термин, который он заимствует у науки), т. е. внутренний взрыв (в отличие от эксплозии — взрыва, направленного вовне). На самом деле пространство и время виртуальны. В статье «Насилие Глобального», полемизируя с Ф. Фукуямой, Ж. Бодрийяр отмечает основные характеристики нынешнего состояния виртуальной реальности. Виртуальное пространство экранно, т. е. мы видим двумерное пространство, выдающее себя за трехмерное, следовательно, оно иллюзорно. Красной нитью через все работы Ж. Бодрийяра проходит тема кажимости, столь богатая значениями в философской традиции. Но у него кажимость, в отличие от иллюзии, — тот остров, который поможет спастись от Апокалипсиса, о котором речь пойдет в дальнейшем. Вещи, существующие в пространстве и времени, потеряли способность к диалектике, взвинтившись в спираль извращения. При этом люди утратили вместе с вещами трансцендентность (Ж. Бодрийяр, как нам представляется, считал, что до наступления глобальной эры у человека, согласно многим философским школам, была способность трансцендировать, т. е. выходить за пределы самого себя, но здесь и сейчас эта способность утрачена), оказавшись в поверхностной имманентности, или оказавшись на поверхностях смыслов, извращая их по спирали. В результате этой пространственно-временной трансформации в глобальном мире люди оказались в сетях. Отныне, в обществе виртуальном, мы живем в безразмерном пространстве-времени под надзором Цифровой Милости.

Если до эры виртуальности, во «времена диалектики», еще были референции к телесности, памяти, вещам-в-себе, то сейчас имеет место насилие глобального (ср.: новый мировой порядок, или у Ж. Деррида — новый мировой беспорядок в «Призраках Маркса»). Главенствующий фундамент Виртуальности — HD (высокое качество), не только пространства, но и времени. Сравнивая с первым тематическим блоком, необходимо сказать, что HD медиума референтно самому низкому качеству сообщения (месседжа), т. е. чем выше качество «вещи», тем меньшим количеством значений и смыслов она обладает.

Виртуальность связана с голограммой, явление которой мы можем уже наблюдать даже в политическом дискурсе (голограмма Меланшона во время предвыборной кампании). Реальное Время в Виртуальную эпоху — это

непосредственная близость события и его информационной копии. Непосредственная близость человека и его действия на расстоянии: возможность регулировать все ваши действия на другом конце света благодаря всепроникающей эктоплазме. Как и каждый фрагмент голограммы, каждый момент реального времени закодирован в мельчайших деталях. Каждый фрагмент времени содержит в себе полную информацию о событии, словно охватывая его в миниатюре со всех сторон сразу. Однако в мгновенной репликации события, действия или речи [discours], в их немедленной транскрипции есть что-то обобщенное, потому что некоторое запаздывание, задержка, приостановка являются важными компонентами мышления и речи... Время — это именно то, что отделяет два символических момента и удерживает в состоянии саспенса их разрешение. Время без задержки, “прямоэфирное” [direct] время, является чем-то неотдаримым. Таким образом, вся сфера коммуникации имеет порядок неотдаримого, поскольку все здесь интерактивно, дано и возвращено без промедления, без того саспенса, даже ничтожно малого, который задает темпоральный ритм обмена [6, с. 56–58].

Таким образом, в виртуальности пространства и времени заключено всё, пребывающее в состоянии перманентного внутреннего взрыва. Ж. Бодрийяр не случайно использует данную военную метафору. В связи с этим отметим, что

информационное обеспечение войны поглотило пространство и время, где виртуальность (обманки, программирование, антиципация исхода), подобно вакуумной бомбе, поглотила весь кислород, всю энергию войны, — апотропия происходит также и в наших головах [1, с. 70].

Промежуточный итог первых двух блоков можно выразить следующим образом: если вообще в истории философии и науки, включая сюда традицию метафизики, пространство и время рассматривались в *определенной реальности*, как некие вместилища (внешние или внутренние — И. Ньютон или И. Кант), поэтому, собственно говоря, взрыв был мыслим только как *взрыв вовне*, то Ж. Бодрийяр переводит акцент на взрыв *вовнутрь* — имплозию. Посредством этого дополнения он хочет показать, что взрыв происходит везде, в различных областях и измерениях действительности: медиа, войны, виртуальности, самой — реальности, где, как полагает Ж. Бодрийяр, мы и живем.

III. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРОРИЗМА, ВОЙНЫ И ГОСПОДСТВА ТРАНСПОЛИТИЧЕСКОГО

Особым блоком в выявлении категорий пространства и времени стоит дискурс о терроризме и ядерных державах, о т. н. трансполитическом в целом на языке философии Ж. Бодрийяра. Кратко отметим, что трансполитическое — это форма политического, свойственная современному обществу и характе-

ризующаяся наряду с транссексуальностью, трансэстетичностью и прочим смещением разных элементов, акторов и систем друг с другом, ранее не предполагавших такое смещение, формирующим, таким образом, качественно новое образование с нетривиальными пространственно-временными свойствами. Как писал Ж. Бодрийяр, «вещи нашли способ избежать диалектики смысла, которая им докучала...» [7, с. 7]

По мнению Ж. Бодрийяра, пространство и время, в котором мы живем, — террористическое, время войны и апотропии (апотропия — бодрийяровский термин; дословно с древнегреческого: разубеждение, разуверение, отпугивание, сдерживание, предотвращение). Естественно, на Бодрийяра повлияли события войны в Персидском заливе, в Афганистане, ситуация в Сараево, собственно, как и вся Югославская война (Ж. Бодрийяр вопреки позиции европейской интеллектуальной общественности осудил «не тех», за что и был некоторое время заклеямен этой же общественностью), теракт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и террористические события в России начала нулевых годов.

Это не могло не повлиять на оформление его взглядов по поводу новой реальности, которая характеризуется трансполитичностью. Описывая и оценивая ее, Бодрийяр пишет:

...это транспарентность и обценность всех структур в деструктурированном мире и обценность хода истории в деисторизованном мире, транспарентность и обценность информации в бессобытийном мире, транспарентность и обценность пространства в беспорядочном переплетении сетей, транспарентность и обценность социального в массах, *политического в терроре* (курсив наш. — А. Н.), тела в ожирении и генетическом клонировании... [7, с. 33]

Основными свойствами пространства и времени политического (или трансполитического; а если точнее — террористического) является человеческая выброшенность в это состояние а priori. Бодрийяр наделяет хайдеггеровский экзистенциал «выброшенности» свойством имплозивности.

Война и терроризм, угрозы ядерных держав имплозируют в реальном времени. Следовательно, по Бодрийяру, ждать Апокалипсиса нет смысла. Сам Апокалипсис — жертва иллюзии. Мы живем во времени терроризма. Он пишет: «Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну, так же как когда-то в революцию в Румынии, и мы помещены в симулякр войны, словно под домашний арест» [1, с. 15–16]. Далее он делает обобщение по поводу медиареальности: «Терроризм — ничто без медиа» [1, с. 117].

Реальность терроризма является всеохватывающей силой абсорбции пространства и времени. Главная функция информации в пространстве и времени терроризма — обмануть (это же является свойством медиа). В этом пространстве-времени всё равно, о чем информируют, главное, чтобы был консенсус, охват, событие, даже если они ложные.

Время заложника и время террориста обладают разными свойствами. Террорист-смертник, если можно так сказать, заключает договор с Божественным Временем, обязуясь своим актом самопожертвования достичь Рая. Возможен ли отсюда вывод, что все люди, собственно, террористы и заложники одновременно?

Физический террорист действует физически, бросая вызов (см.: в работе «Забудь Фуко»: «Вызов — это противоположность диалога: он создает не диалектическое, а неизбежное пространство. Он ни цель, ни средство: он противопоставляет свое собственное пространство пространству политическому» [2, с. 82–83]), соблюдая внутренний договор с «Богом», все остальные обыватели — внутренние террористы, соблюдающие внутренний договор с обществом потребления, получая взамен «блага» иллюзий современности. Люди одновременно и то, и другое, но, правда, диалектика здесь больше не работает, поскольку, согласно Бодрийяру, вещи научились избегать диалектику.

Пространство терроризма — это нетерриториальные зоны. Это правила, аэропорты и т. д. Они фрактальны. Бодрийяр пишет:

Мировой порядок определяет теперь по *man's land* [ничейная территория] террора: именно из этого, так сказать, экстра-территориального, экстрапланетарного места мир изъят, буквально взят в заложники. Равновесие страха (террора) означает следующее: *мир стал коллективно ответственным за тот порядок, который в нем царит* — если что-то серьезно нарушит этот порядок, то *мир должен быть разрушен...* А откуда можно это сделать наиболее эффективно, как не из мест, находящихся вне мира, то есть со спутников и установок орбитальных ракет? Именно отсюда, с этих не вполне территорий, очень удобно нейтрализовать и взять в заложники все земные территории. Мы стали сателлитами наших спутников [7, с. 51].

Таким образом, мы видим по описаниям французского философа, что пространство и время как будто бы взорвались вовнутрь. Смешались воедино медиа, виртуальность, террор, война и прочее. Ж. Бодрийяр остро реагирует на это, задавая вопросы: не может ли такое «положение дел» быть ловушкой самой виртуальности? или же реальности? Может ли взрыв породить что-то новое?

IV. ИМПЛОЗИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Внутренний взрыв, на который сфокусировано внимание в контексте данной статьи, оказывается, на наш взгляд, основанием, от которого отталкивается Ж. Бодрийяр.

Здесь уместно вспомнить о притче, которую обыгрывает Ж. Бодрийяр в статье «Истребление имени бога» из цикла «Символического обмена и смерти», в которой представлены специфические пространственно-временные интуиции:

В одном научно-фантастическом рассказе («Девять миллиардов имен Бога» Артура Кларка) тибетские ламы из затерянного в горах монастыря посвящают всю свою жизнь перечислению вслух имен Бога. Этих имен очень много — девять миллиардов. Когда все они будут названы и произнесены, наступит конец света, конец целого мирового цикла. Дойти до конца света шаг за шагом, слово за словом, перебирая весь корпус означающих Бога — такова бредовая идея их религии или же их влечения к смерти. Однако ламы читают медленно, их работа длится уже много веков. И вот до них доходит слух о таинственных западных машинах, способных

записывать и считывать информацию с невероятной быстротой. И один из них отправляется в путь, чтобы заказать мощный компьютер от IBM, который ускорит их работу. В Тибет приезжают американские специалисты, чтобы установить и запрограммировать машину. По их расчету, для перечисления всех девяти миллиардов имен будет достаточно трех месяцев. Сами они, конечно, нимало не верят в последствия, которые должны наступить за этим пересчетом, и незадолго до окончания операции они покидают монастырь, боясь, как бы монахи не обвинили их в том, что пророчество не сбылось. И вот тут-то, спускаясь с гор в цивилизованный мир, они вдруг видят, как на небе одна за другой начинают гаснуть звезды... [4, с. 347–348]

Вероятно, подобно М. Хайдеггеру, который в технике видит возможность спасения, согласно Гёльдерлину, в пересказанной Бодрийяром притче раскрывается сама суть виртуального, подобная технике. В виртуальной реальности пространство и время «прямоэфирно» и технологично: живите под камерами, умирайте под ними, делайте всякое движение, даже не подозревая, что за вами следят, разыгрывайте драму болезни, любви, соблазна, ревности, но — в онлайн-стриме. Имена Бога глобализированного общества потреблением расшифруются технологиями, а время ускорится в направлении к Апокалипсису.

Как пишет Ж. Бодрийяр, основатели квантовой физики удивлялись тому факту, что в микромире все происходит по воле случая. В отношении макромира это противоречит здравому смыслу, но именно в микромире такие категории, как пространство и время показали свою нетривиальность и загадочность. Можно переформулировать основной онтологический вопрос Г. Лейбница: «Почему вообще существуют таинственные законы микромира, а не макромира?». Аналогично этому Ж. Бодрийяр спрашивает: «Почему концепты... времени и пространства вообще функционируют в макромире? Вот то, что нужно объяснить» [6, с. 32]. Создается впечатление, что Бог ответственен за макромир, а за микромир не несет никакой ответственности, поэтому микрочастицы ведут себя неопределенным образом.

Сам Бог, которого убили, а потом взялись за собственность, отвечает за действия масс, но имплозия смыслов и всего окружающего мира, возможно, не коснулась мира микрочастиц. Вероятно, в пространстве-времени микрочастиц и есть спасение, помимо кажимостей, которые люди заменили иллюзиями и симулякрами. Второй же вариант выхода из этого положения, субъективный, который предлагает сам Ж. Бодрийяр, — ирония. В этом некоторые видят его «постмодернизм». Если мы живем «после оргии», во внутреннем взрыве, в котором перемешаны секс, политика, виртуальность, реальность, время и пространство, Чиччолина с Мадонной, терроризм с апотропией, то как можно смотреть на этот карнавал без иронии? Тем не менее, раз взрыв вовнутрь уже произошел, он может повторяться неоднократно (а он и повторяется регулярно). Один единичный взрыв может породить конструктивное начало, от которого наступит новое исчисление. Ж. Бодрийяр использует извлеченный из научных представлений мыслеобраз: пространство и время — это своеобразные ленты Мебиуса, по которым движется человеческая жизнь.

В конце концов, как сам философ пишет (*иронично*):

Исчезновение дистанций, промежуточных пространств всегда порождает нечто, подобное опьянению. Разве не то же самое происходит с нами на больших

скоростях? Что совершаем мы, кроме перехода от одной точки к другой, минуя время, и от одного момента к другому, минуя расстояние и движение? Скорость прекрасна, надоедает лишь время [3, с. 103–104].

Подведем некоторые итоги. Данная статья была посвящена исследованию категорий пространства и времени в работах Ж. Бодрийяра. Гипотеза, выдвинутая нами об однородности его понимания, подтвердилась, на наш взгляд, благодаря тому, что было выделено и концептуально определено ключевое и ведущее понятие из терминологического аппарата самого философа — имплозия. Это позволяет оценить бодрийяровский подход с онтологической точки зрения, особенно в свете событийной онтологии, если исходить из того, что событие (хайдеггеровское *das Ereignis*) на уровне существенной метафоры понимается как взрыв [10, с. 10–12]. Естественно, работа нуждается в более детальном анализе и продолжении. Учитывая интенсивность, с которой переводятся на русский язык его работы в последнее время, а также увеличивающееся количество интерпретаций последователей и критиков, возможны уточнения и даже существенные трансформации в понимании. В нашем исследовании мы попытались предложить возможную схему истолкования концепции пространства и времени в философии Ж. Бодрийяра, которая оказалась неоднозначной, представляющей из себя точку, из которой исходит множество векторов возможного развития, в соответствии с топологией и темпорологией взрыва.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с франц. А. Качалова. — М.: РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
2. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко / пер. с франц. Д. Калугина. — СПб.: Владимир Даль, 2000. — 91 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с франц. Л. Любарской и Е. Марковской. 3-е изд. — М.: Добросвет, КДУ, 2009. — 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с франц. С. Зепкина. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с франц. А. Качалова. — М.: ПОСТУМ, 2018. — 320 с. — (KAÏROS).
6. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с франц. А. Качалова. — М.: РИПОЛ-классик, Панглосс, 2019. — 348 с. — (Сер. Фигуры философии).
7. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с франц. А. Качалова; под науч. ред. текста к. ф. н. Д. Дамте. — М.: РИПОЛ-классик, 2017. — 288 с. — (Авторская сер. Жана Бодрийяра).
8. Жигунина Л. В. Медиареальность информационного общества: нужна ли утопии реанимация? // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2014. — Т. 156, кн. 1. — С. 48–57.
9. Закирова Т. В., Кашин В. В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. — 2012. № 7 (143). — С. 28–36.
10. Романенко Ю. М., Лебедев С. П. Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. — 2015. — № 6. — С. 10–12.